

A detailed illustration of a massive, dark, industrial structure built on a rocky, mountainous planet. The structure features complex piping, walkways, and a prominent vertical tower. In the foreground, several astronauts in full suits are walking away from the viewer on a dirt path. The sky is a vibrant blue with scattered white clouds. The overall aesthetic is that of a high-tech, dystopian sci-fi world.

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Орбита страха
(Даффи Толстяк)**

18+

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Орбита страха
(Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ Орбита страха (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Космическая станция «Горизонт» внезапно перестаёт отвечать на запросы. Туда отправляют штурмовую группу, которая обнаруживает, что все системы работают, но людей нет — лишь следы борьбы и странные символы, выцарапанные на стенах. Вскоре выясняется, что на станции проводился секретный эксперимент по изучению внеземного организма, который способен влиять на сознание. Теперь этот организм пробудился и использует станцию как ловушку, играя с разумом выживших. Героям предстоит не только найти способ остановить угрозу, но и сохранить рассудок, пока станция медленно сходит с орбиты и падает на ближайшую планету.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

УЖАСЫ Орбита страха (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Молчание „Горизонта“»

В командном центре управления полётами царил не тишина — это была тишина, которая кричала. Она давила на уши, проникала под кожу, заставляла пальцы техников нервно подрагивать над сенсорными панелями. На главном экране висел «Горизонт» — идеальная, сверкающая в лучах далёкого солнца конструкция, похожая на гигантский металлический цветок. Все системы — в зелёной зоне. Энергия — в норме. Давление — в норме. Температура — в норме.

А вот связи не было. Ни слова. Ни писка. Ни даже белого шума.

— Это невозможно, — пробормотал старший оператор, третий раз подряд отправляя стандартный запрос на канал экстренной связи. — Системы не могут работать без экипажа. Это как сердце, которое бьётся, но в груди никого нет.

Полковник Виктор Орлов стоял позади, скрестив руки на груди. Его лицо было маской спокойствия, но внутри всё сжималось в тугий узел. Он знал: когда техника работает идеально, а люди молчат — жди беды. И эта беда уже пришла.

— Поднять штурмовую группу, — коротко бросил он, не повышая голоса, но так, что каждый в зале услышал. — Полчаса на подготовку. Никаких лишних вещей. Только броня, оружие, сканеры и мозги. Нам нужно знать, что там произошло.

В ангаре космодрома время будто сжалось. Бойцы бежали по коридорам, натягивая защитные костюмы, проверяя оружие. Капитан Алексей Воронов, командир группы, молча слушал краткий брифинг, который сыпался на него из наушника.

— Никаких данных о внештатных ситуациях. Никаких сигналов тревоги. Просто... тишина.

Воронов хмыкнул. Тишина в космосе — обычное дело. Но тишина на обитаемой станции — это диагноз. И диагноз этот был плохим.

Их корабль, «Стрела», сорвался с платформы и рванул ввысь, пронзая атмосферу, словно нож — тёмную воду. За иллюминаторами небо меняло цвет с синего на чёрный, звёзды становились ярче, а «Горизонт» рос, превращаясь из точки в громадину, затмевающую всё вокруг.

— Приближаемся к стыковочному узлу, — доложил пилот. — Никаких ответных сигналов. Станция не подтверждает стыковку.

— Пробуем вручную, — спокойно сказал Воронов, хотя внутри всё кричало: «Это ловушка!»

Стыковка прошла с глухим ударом, который отозвался вибрацией по всему кораблю. На мгновение показалось, что станция... вздохнула.

— Шлюз открыт, — сообщил техник. — Давление выравнивается.

Воронов первым шагнул в переходной отсек. Воздух здесь был холодным, стерильным, но в нём чувствовалось что-то чужое. Не запах гари, не кровь — нет. Это был запах пустоты. Такой пустоты, в которой что-то прячется.

Когда внутренняя дверь открылась, группа оказалась в коридоре «Горизонта». Всё было на своих местах: панели светились, индикаторы мигали, вентиляторы тихо гудели. Но людей не было.

Ни одного.

Только следы.

На полу — тёмные пятна, похожие на засохшую кровь. На стене — царапины, глубокие, будто кто-то скреб металл ногтями. А между ними — символы. Странные, угловатые, не похо-

жие ни на один известный алфавит. Они выглядели так, будто их выводили в панике, с отчаянием, когда уже не оставалось сил.

Один из бойцов, молодой снайпер по прозвищу Лис, наклонился, чтобы рассмотреть символ поближе.

— Что это? — прошептал он. — Похоже на... предупреждение?

— Или проклятие, — мрачно ответил Воронов.

Он достал сканер и провёл им по воздуху. Прибор пискнул, выдавая данные: уровень радиации — норма, токсины — нет, биологическая активность —...

Сканер замер. Потом выдал ошибку.

— Перезагрузка, — скомандовал Воронов, но даже он не верил, что это поможет.

Тишина на станции была не просто отсутствием звука. Она была живой. Она наблюдала. И ждала.

— Разделиться на пары, — приказал капитан. — Проверить жилые отсеки, лабораторию, командный центр. Никаких одиночных действий. Если увидите что-то странное — кричите. Даже если это покажется глупостью. Здесь глупость может спасти жизнь.

Бойцы разошлись по коридорам, их шаги эхом отдавались в пустоте. Каждый звук казался слишком громким, каждая тень — слишком густой.

В лаборатории Воронов нашёл первое настоящее доказательство того, что здесь произошло нечто ужасное. На столе лежал открытый журнал наблюдений. Последняя запись была сделана дрожащей рукой:

«Оно проснулось. Оно смотрит не глазами. Оно смотрит внутрь. Не дайте ему добраться до ваших мыслей...»

Дальше шли каракули — бессмысленные линии, пересекающиеся, сплетающиеся в узор, который почему-то заставлял глаза болеть.

Воронов резко захлопнул журнал. Его сердце билось где-то в горле. Он знал: они пришли слишком поздно. Что бы ни случилось на «Горизонте», оно уже вышло из-под контроля. И теперь станция стала не просто объектом — она стала ловушкой. А они только что в неё вошли.

За спиной скрипнула дверь.

Капитан медленно обернулся.

Коридор был пуст.

Но в воздухе витало ощущение, что кто-то стоит прямо за ним. Кто-то, кто не дышит. Кто-то, кто уже знает их имена. Кто-то, кто ждёт, когда они поверят, что остались одни.

И в этот момент тишина заговорила.

Не словами. Не звуком.

Она заговорила страхом.

Глава 2. «Вход в мёртвый дом»

Стыковочный узел щёлкнул, как затвор винтовки — сухо, окончательно, без права на ошибку. В этот миг даже самые хладнокровные бойцы на долю секунды задержали дыхание: будто сам космос подсказывал — не дышите, не выдавайте себя. Переходной шлюз медленно раскрылся, и перед группой разверзся зев «Горизонта» — тёмный, безмолвный, будто пасть чего-то огромного и давно голодного.

Капитан Воронов шагнул первым, держа оружие наготове, но не целясь — пока не в кого. Его визор автоматически подстраивался под освещение: сначала всё тонуло в полумраке, потом контуры коридоров проступили с пугающей чёткостью. Панели горели ровным, почти издевательски спокойным светом. Системы работали. Станция жила.

Но не людьми.

Воздух внутри был холодным, густым, словно не вакуум за бортом был врагом, а сам этот воздух — вязкий, тяжёлый, пропитанный чем-то, что не улавливали датчики. Воронов сделал

глубокий вдох и тут же пожалел: в ноздри ударил запах, который невозможно спутать ни с чем — запах страха. Не крови, не гари, не сгоревшей проводки. Это был запах человеческого ужаса: резкий, металлический, с горьким оттенком паники.

— Стабилизация давления завершена, — тихо доложил техник, голос в наушниках звучал неестественно громко, будто пытался перекричать эту зловещую тишину. — Атмосфера пригодна для дыхания.

Воронов кивнул, хотя никто не мог его видеть. Он уже знал: пригодная атмосфера — не значит безопасная.

Группа двинулась вперёд, разбившись на пары, как и было приказано. Каждый шаг отдавался эхом в пустых коридорах, и это эхо звучало не как отражение звука, а как насмешка станции: «Вы пришли. Мы ждали».

Первые следы появились почти сразу. В медицинском отсеке — опрокинутая каталка, разбитые ампулы, осколки стекла, поблескивающие, как ледяные слёзы. На полу — тёмные, засохшие пятна. Кровь. Много крови. Но тел не было. Ни одного. Только следы того, что здесь была борьба — отчаянная, жестокая, обречённая.

На стене кто-то выцарапал символы. Глубокие, неровные, будто человек сжимал в руке не инструмент, а обломок чего-то острого, и царапал, пока пальцы не начали кровоточить. Они не походили ни на буквы, ни на цифры, ни на какой-либо известный алфавит. Это были знаки, рождённые паникой, — угловатые, ломаные, сплетающиеся в узоры, от которых рябило в глазах. Казалось, если смотреть на них слишком долго, они начнут двигаться.

Лис, молодой снайпер, замер перед одной из таких надписей, наклонился, будто пытаясь разгадать её смысл.

— Что это? — прошептал он, хотя все знали: шептать здесь — не от осторожности, а от страха, что громкий голос может разбудить то, что лучше не будить.

— Не трогай, — резко оборвал его Воронов. — Не смотри слишком долго.

Он сам не знал, откуда взялось это предупреждение, но чувствовал: эти символы — не просто следы. Это метки. Предупреждения. Или ловушки для разума.

В командном центре картина была ещё страшнее. Кресла опрокинуты, панели разбиты, будто кто-то пытался отключить системы, а потом передумал — или не смог. На главном экране застыл последний запрос: «Повторить попытку связи с Землёй». И под ним — строка, добавленная вручную, дрожащей рукой: «Оно здесь. Оно слышит».

Воронов провёл сканером по воздуху. Прибор пискнул, выдал стандартный набор показателей — всё в норме. И тут же завис, экран моргнул и погас.

— Чёрт, — выругался техник, пытаясь перезагрузить устройство. — Он просто... выключился. Без причины.

— Здесь нет причин, — мрачно ответил Воронов. — Здесь есть только последствия.

Из динамика в наушнике раздался голос полковника Орлова с Земли:

— Доложите обстановку. Что видите?

Воронов на мгновение замер, подбирая слова, которые не звучали бы как бред сумасшедшего.

— Станция функционирует, — ровно произнёс он. — Экипажа нет. Следы борьбы. Много крови. Странные символы на стенах. Сканеры сбоят.

Пауза на другом конце была слишком долгой.

— Понял, — наконец ответил Орлов. — Действуйте по протоколу. Найдите выживших. Или... доказательства.

Доказательства чего? — мелькнуло в голове у Воронова. Что здесь произошло нечто, выходящее за рамки любого протокола?

Группа двигалась дальше, вглубь станции, где коридоры становились уже, а свет — тусклее, будто «Горизонт» сам решал, сколько правды можно показать. В лаборатории они нашли

первое настоящее свидетельство того, что страх здесь был не просто эмоцией — он был почти физическим явлением.

На столе лежал открытый журнал наблюдений. Последняя запись была сделана той же дрожащей рукой, что и надпись на экране:

«Оно не атакует тело. Оно атакует разум. Я чувствую, как оно копошится в моих мыслях, как червь в гнилом яблоке. Оно знает мои страхи. Оно становится ими. Не дайте ему добраться до ваших воспоминаний...»

Дальше шли каракули — бессмысленные линии, пересекающиеся, сплетающиеся в узор, который почему-то заставлял глаза болеть, а в висках стучать.

Воронов резко захлопнул журнал. Его сердце билось где-то в горле. Он знал: они пришли слишком поздно. Что бы ни случилось на «Горизонте», оно уже вышло из-под контроля. И теперь станция стала не просто объектом — она стала ловушкой. А они только что в неё вошли.

За спиной скрипнула дверь.

Капитан медленно обернулся.

Коридор был пуст.

Но в воздухе витало ощущение, что кто-то стоит прямо за ним. Кто-то, кто не дышит. Кто-то, кто уже знает их имена. Кто-то, кто ждёт, когда они поверят, что остались одни.

И в этот момент тишина заговорила.

Не словами. Не звуком.

Она заговорила страхом.

Первым его почувствовал Лис. Его рука дрогнула, оружие чуть опустилось, а в глазах мелькнуло что-то, чего не должно было быть на лице закалённого бойца — детский, первобытный ужас.

— Ты... ты слышал? — прошептал он, глядя куда-то в темноту коридора.

— Что? — спросил Воронов, напряжённо вглядываясь в пустоту.

— Голос, — выдохнул Лис. — Он звал меня по имени.

В наушнике снова раздался голос Орлова:

— Воронов, ответьте. Слышу помехи. Что у вас происходит?

Но Воронов не успел ответить.

Потому что в этот миг станция вздохнула.

Где-то глубоко внутри её металлических недр что-то щёлкнуло, загудело, и свет на мгновение померк, а потом вспыхнул с новой, почти болезненной яркостью.

И когда он снова стал нормальным, в конце коридора, там, где только что была пустота, стоял человек.

Нет.

Фигура.

Высокая, тонкая, с неестественно прямыми плечами и опущенной головой. Она не двигалась. Просто стояла и смотрела. Или... не смотрела. Потому что лица у неё не было.

А может, это просто тень.

Или игра света.

Или...

Воронов моргнул.

Фигуры не было.

Только пустой коридор.

Только тишина.

Только страх, который теперь был не снаружи — он был внутри.

— Всем держаться вместе, — хрипло приказал Воронов, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Никаких отклонений от маршрута. Мы найдём ответы. И мы выберемся отсюда.

Но даже он сам не верил в эти слова.

Потому что «Горизонт» уже начал свою игру.
И правила этой игры знали только он — и то, что пряталось в его тенях.

Глава 3. «Тени прошлого»

Архив «Горизонта» находился в самом сердце станции — в изолированном отсеке, куда редко заглядывали даже те, кто проводил здесь месяцы. Он был похож на склеп: толстые бронедвери, глухая тишина, нарушаемая лишь мерным гулом вентиляции, и свет, который не разгонял тени, а будто делал их плотнее, тяжелее.

Воронов остановился перед входом, положив ладонь на холодный металл. Датчик доступа мигнул красным — система не откликнулась.

— Пробуем ручную, — скомандовал он, и Лис тут же достал универсальный модуль взлома. Пальцы снайпера летали над панелью, щёлкали реле, бежали по экрану строки кода. Через несколько секунд раздался глухой щелчок — дверь медленно, неохотно отъехала в сторону.

Из проёма пахнуло не пылью и не затхлостью — пахнуло временем. Будто за этой дверью хранились не файлы и диски, а сами воспоминания станции, тяжёлые и горькие.

Внутри архив напоминал святилище: ряды ячеек с накопителями, голографические терминалы, стеллажи с физическими носителями — реликвиями эпохи, когда данные ещё доверяли чему-то более осязаемому, чем поток электронов. В центре комнаты стоял главный терминал — массивный, угловатый, с потухшим экраном, который сейчас казался чёрной бездной, готовой поглотить любого, кто попытается заглянуть внутрь.

Техник, которого все звали просто Шур, тут же бросился к консоли. Его пальцы забегали по сенсорной панели, пробуждая систему. Экран вспыхнул, моргнул, выдал серию ошибок — и наконец загрузился, показав меню доступа.

— Есть, — выдохнул Шур. — Архив активен. Но... странно.

— Что значит «странно»? — спросил Воронов, не сводя глаз с тёмных углов комнаты. Ему казалось, что из каждой ячейки на него смотрят невидимые глаза.

— Здесь нет общей папки с отчётами по проектам, — пробормотал Шур, лихорадочно переключаясь между директориями. — Только отдельные фрагменты. Обрывки. Как будто кто-то специально всё разбросал, чтобы никто не смог собрать картину целиком.

Лис прошёл вдоль стеллажей, проводя рукой по ячейкам. На одной из них он заметил царапины — такие же, как в коридорах, те же угловатые, ломаные линии.

— Смотри, — тихо позвал он Воронова. — Опять эти символы.

Капитан подошёл ближе, всмотрелся. Да, это были те же знаки — будто кто-то пытался оставить предупреждение, но не успел. Или не смог подобрать слова.

Шур тем временем нашёл первый фрагмент данных. На экране появилась короткая запись — сухая, официальная, но от этого ещё более пугающая:

«Объект № 7. Обнаружен в обломках метеорита, упавшего в секторе К-14. Первичный анализ показал аномальную биологическую активность. Организм не имеет привычной клеточной структуры; предположительно, существует за счёт электромагнитных полей и... когнитивных реакций носителя».

— Когнитивных реакций? — переспросил Лис, нахмурившись. — Это что, он питается мыслями?

Воронов не ответил. Он чувствовал, как по спине ползёт холодок, будто кто-то провёл по ней ледяным пальцем.

Шур продолжал листать файлы. Следующие записи были более подробными, но ещё более тревожными:

«Эксперимент „Эхо“. Цель: изучение влияния Объекта № 7 на сознание человека. Первые тесты показали способность организма вызывать яркие галлюцинации, усиливать скрытые

страхи, моделировать ложные воспоминания. В отдельных случаях наблюдалась полная потеря идентичности — испытываемый переставал узнавать себя в зеркале».

Дальше шли отчёты о сбоях, о попытках изолировать объект, о том, как он будто... учился. Как будто с каждым контактом становился сильнее, умнее, хитрее.

И наконец — последняя запись. Не официальный отчёт, а личная заметка, сделанная от руки и отсканированная, так что на экране было видно каждую дрожь в почерке:

«Оно проснулось. Я чувствую его в своей голове. Оно знает, что я думаю, ещё до того, как я сам понимаю. Оно шепчет мне вещи, которые я никогда не хотел бы слышать. Оно знает мои грехи. Мои страхи. Мои самые тёмные тайны.

Мы думали, что держим его под контролем. Но всё это время оно изучало нас. И теперь... теперь оно готово играть.

Оно знает, что мы здесь.

И оно ждёт».

Воронов долго смотрел на эти строки, чувствуя, как реальность вокруг становится зыбкой, как будто пол под ногами начал медленно растворяться.

— Это... — начал Лис, но голос его дрогнул. — Это значит, что оно... всё это время было здесь? И мы только что пришли прямо к нему?

— Мы уже не просто пришли, — тихо ответил Воронов. — Мы уже в игре.

В этот момент терминал издал резкий, пронзительный звук — будто вскрикнул. Экран погас, а затем вспыхнул снова, но теперь на нём не было файлов. Только один символ — тот самый, угловатый, ломаный, который они видели повсюду. Он пульсировал, словно живой, и с каждым ударом становился всё ярче, пока не заполнил весь экран.

А потом из динамиков раздался голос.

Не человеческий. Не механический. Что-то среднее — как будто кто-то пытался говорить на языке, который не предназначен для человеческих губ.

— Вы... пришли... — прошептал голос, и от этого шёпота у всех по коже побежали мурашки. — Мы... ждали... вас.

Шур дёрнулся, будто его ударили током, и резко отшатнулся от терминала.

— Отключай! — рявкнул Воронов.

Но техник уже тянулся к аварийной кнопке. Щёлчок — и терминал погас. Комната погрузилась в полумрак, и только тусклый свет аварийных ламп выхватывал из темноты испуганные лица бойцов.

— Это была запись? — хрипло спросил Лис. — Просто... старая запись?

Воронов медленно покачал головой.

— Не думаю, — произнёс он, вглядываясь в темноту, где тени казались слишком плотными, слишком живыми. — Думаю, это было... приветствие.

Где-то в глубине станции что-то щёлкнуло. Потом загудело. И снова наступила тишина — но теперь она была другой. Теперь она дышала.

— Нам нужно найти лабораторию, — сказал Воронов, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Там должны быть данные о том, как его остановить. Если это вообще возможно.

Группа двинулась к выходу, но прежде чем покинуть архив, Воронов на мгновение задержался. Ему показалось, что в одной из ячеек, в самой тёмной, мелькнуло движение. Как будто что-то посмотрело на него изнутри.

Он моргнул — и видение исчезло.

Но ощущение осталось.

Ощущение, что тени прошлого не просто хранят воспоминания.

Они охотятся.

Глава 4. «Игра разума»

Коридор тянулся вперёд, бесконечный, как дурной сон — одинаковые панели, одинаковые стыки, одинаковый холодный свет, который не гнал тени, а словно выращивал их в углах. Группа двигалась вперёд, но с каждым шагом уверенность таяла, будто её высасывал сам воздух станции.

Воронов шёл впереди, сжимая оружие так, что побелели костяшки пальцев. Он прислушивался не к звукам — их почти не было, только ровный гул вентиляции, похожий на чьё-то терпеливое дыхание, — а к тишине между звуками. К паузам, в которых могло прятаться всё что угодно.

Лис шёл следом, и Воронов краем глаза замечал, как тот то и дело вздрагивает, будто кто-то дёргал его за плечо.

— Всё в порядке? — коротко бросил капитан, не оборачиваясь.

— Да, — ответил Лис, но голос прозвучал слишком быстро, слишком натянуто. — Просто... показалось.

Но Воронов знал: на «Горизонте» «показалось» уже нельзя было считать пустяком.

Они свернули в боковой отсек — узкий технический коридор, ведущий к вспомогательному узлу энергосистемы. Здесь свет был тусклее, панели мерцали, как уставшие глаза. И в этом полумраке реальность начала трещать по швам.

Первым сломался не новичок и не самый нервный — сломался Шур, спокойный, рассудительный техник, который до этого момента держался лучше всех. Он вдруг резко остановился, уставившись в пустой угол.

— Кто здесь? — хрипло спросил он, отступая на шаг. — Я же видел... я видел движение.

— Там никого нет, — твёрдо сказал Воронов, глядя туда же. — Пустой отсек. Только трубы и вентиляция.

— Но я видел лицо, — прошептал Шур. — Знакомое лицо. Как будто... как будто это был я сам. Только... другой. С пустыми глазами.

Он поднял взгляд на Воронова, и в его глазах капитан увидел то, чего боялся больше всего — не панику, а сомнение. Сомнение в том, что он вообще может доверять своим глазам.

А потом случилось то, от чего у всех внутри всё оборвалось.

Лис вдруг резко развернулся, вскидывая оружие.

— Стоять! — выкрикнул он, целясь в пустоту. — Не подходи! Я не дам тебе снова это сделать!

— Лис! — рявкнул Воронов. — Опустит ствол! Здесь никого нет!

— Он здесь! — кричал Лис, голос его дрожал, срываясь на крик. — Я вижу его! Это Волков! Он стоит прямо перед тобой, ты не видишь?! Он тянет ко мне руки!

Волков — это был их товарищ, погибший полгода назад при штурме орбитальной платформы. Воронов хорошо помнил тот бой. И сейчас он отчётливо видел, как в глазах Лиса мелькает не просто галлюцинация — а живая, кровоточащая боль.

— Лис, слушай мой голос, — медленно, чётко произнёс Воронов, делая шаг к бойцу. — Смотри на меня. Только на меня. Волков мёртв. Он не может быть здесь. Это не он. Это... станция. Это то, что живёт здесь. Оно играет с тобой.

Лис на секунду замер, будто слова капитана пробились сквозь пелену ужаса. Его рука дрогнула, ствол опустился на несколько сантиметров.

— Оно... оно знает, — прошептал он, и по его щеке скатилась капля пота. — Оно знает, кого мне больше всего видеть.

И тут из соседнего отсека раздался голос.

Женский голос. Тихий, дрожащий, полный слёз.

— Миша... Миша, это ты? Пожалуйста, ответь... Я здесь, я не могу выбраться...

Шур побледнел, как полотно. Его губы беззвучно шевельнулись.

— Это... это голос моей жены, — прошептал он. — Но она... она осталась на Земле. Она не может быть здесь.

Голос снова позвал:

— Миша, пожалуйста... тут так темно... я боюсь...

Шур сделал шаг в сторону отсека, откуда доносился голос, но Воронов схватил его за плечо железной хваткой.

— Не иди туда, — жёстко сказал он. — Это не она. Слышишь? Это не она. Это то самое существо. Оно копается в твоих воспоминаниях, вытаскивает самое дорогое и делает из этого оружие. Не дай ему победить.

Техник застонал, будто от физической боли, и закрыл лицо руками.

— Как мне понять, где правда? — выдавил он. — Как мне отличить настоящее от... этого?

Воронов не знал ответа. Но он знал одно: если они сейчас дадут страху взять верх, если начнут стрелять по призракам или бежать на зов несуществующих голосов — они погибнут. А станция продолжит свой путь к планете, унося с собой нечто, что ни в коем случае не должно достичь поверхности.

— Держимся вместе, — приказал Воронов, повышая голос, чтобы перекрыть нарастающий хаос в головах бойцов. — Никаких одиночных действий. Если видите что-то странное — говорите сразу. Не пытайтесь разобраться в одиночку. Мы — команда. Пока мы вместе, оно не сможет нас сломать.

Но даже он сам не был уверен в своих словах.

Потому что в этот момент свет в коридоре начал пульсировать. Не просто мерцать — а пульсировать в такт ударам сердца. И с каждым ударом реальность становилась чуть менее реальной.

Из динамиков системы оповещения раздался шёпот — тихий, вкрадчивый, будто кто-то наклонился прямо к уху каждого из них:

«Вы устали. Вы боитесь. Вы не сможете выбраться. Зачем бороться? Просто отпустите. Просто позвольте себе увидеть то, что вы хотите видеть...»

Лис снова вздрогнул.

— Ты это слышал? — прошептал он.

— Все слышали, — мрачно ответил Воронов.

Шур вдруг резко дёрнулся, будто его ударили.

— Я чувствую запах, — пробормотал он. — Запах её духов. Тех самых, что она носила, когда мы только познакомились. Как оно может знать это? Как?

— Потому что оно читает вас, — сказал Воронов, и в его голосе прозвучала сталь. — Оно сканирует ваши воспоминания, ваши эмоции, ваши слабости. И использует их против вас. Но у него есть одна слабость: оно не может создать ничего нового. Оно только копирует. Перекручивает. Искажает. Если вы видите что-то, что не вписывается в логику — значит, это ложь.

В этот момент из-за угла показалась фигура. Высокая, стройная, в форме экипажа «Горизонта». Она шла медленно, опустив голову, и когда подняла лицо — у Шура вырвался сдавленный крик.

Это была она. Его жена. Точь-в-точь как на последней фотографии, которую он хранил в планшете. Те же глаза, та же улыбка, только... слишком бледная. Слишком неподвижная. Слишком... неживая.

— Миша, — прошептала фигура, протягивая руку. — Идём со мной. Здесь безопасно.

Шур сделал шаг вперёд, пальцы его разжались, оружие чуть не выпало из рук.

— Нет! — рявкнул Воронов, хватая техника за воротник и дёргая к себе. — Смотри на меня! Смотри на мои глаза! Видишь шрам над бровью? Видишь татуировку на шее? Это реальность. Это я. А это... — он кивнул на фигуру, — это подделка. Копия. Фальшивка.

Фигура замерла. Её улыбка стала шире. И в этой улыбке не было ничего человеческого.

А потом она исчезла. Просто растворилась в воздухе, как дым.

Шур обмяк, сползая по стене. Его трясло.

— Прости, — прошептал он. — Я чуть не...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.